

КѢМЪ и почему пропущена одна глава изъ повѣсти «Капитанская дочка?» *).

Между великими созданіями Пушкина повѣсть «Капитанская дочка» занимаетъ несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ. Написанная въ 1833 году, она носитъ на себѣ явные признаки полного разцвѣта таланта великаго поэта. Она замѣчательна главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, потому, что въ ней Пушкинъ съ глубокимъ сочувствіемъ отнесся къ простымъ русскимъ людямъ, къ нашей старинѣ, къ нашей обыденной дѣйствительности, съумѣвши открыть въ ней безсмертную нравственную красоту; во вторыхъ, по своей художественности. Художественность сказалась не только въ томъ обстоятельстве, что герои повѣсти какъ живые воззываютъ передъ нашими ~~умственнымъ~~ взоромъ, но еще въ большомъ: ведя рассказъ отъ лица Гринева (повѣсть имѣетъ форму его записокъ), Пушкинъ до такой степени входитъ самъ въ нравственное бытіе своего героя, влѣзаетъ, какъ говорится, въ его кожу, что совершенно почти скрывается за личностью добродушнаго и любящаго просвѣщеніе, вѣсколько паявшаго, но обладающаго здравымъ умомъ помѣщика конца прошлаго вѣка (здѣсь, можетъ быть, и начало слабой стороны «Капитанской дочки»; но объ этомъ не мѣсто говорить въ настоящей коротенькой замѣткѣ). Мы видимъ въ повѣсти съ осязательной очевидностью взгляды и убѣжденія Гринева, его сочувствія и антипатіи, степенъ его просвѣщенія, его литературныя знанія (последнее, напримѣръ, въ эпитафияхъ къ отдѣльнымъ главамъ произведенія,

*) 4 томъ «Собранія сочиненій Пушкина», изд. подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 1880 г.

въ различныхъ ссылкахъ). Чрезвычайно замѣчательенъ языкъ, слогъ повѣсти: къ нему какъ нельзя болѣе примѣнимо известное положеніе — слогъ это человѣкъ: въ спокойномъ и вмѣстѣ живомъ теченіи простой, не изысканной рѣчи, въ употребленіи устарѣлыхъ «сей» и «онъ», въ попадающихся порою неправильныхъ оборотахъ — такъ и видится Гриневъ. По всѣмъ этимъ причиваю «Капитанская дочка» — вершъ художественнаго совершенства; въ повѣсти нѣтъ ни одесго неумѣстно поставленнаго слова, и ни одесго слова нельзя изъ нея исключить.

И вотъ, однако, оказалось, что изъ нея исключена была цѣлая глава, обширный эпизодъ повѣствованія. Глава эта появилась въ печати въ ~~минувшемъ~~ году въ третьей книжкѣ «Русскаго Архива» и перепечатана затѣмъ многими поврежденными изданіями. Почему же исключилъ ее поэтъ изъ повѣсти: по певзурнымъ условіямъ 30-хъ годовъ или по собственному внутреннему побужденію, будучи недоволенъ ею? Последнее предположеніе не раздѣляетъ редакторъ ~~этого~~ изданія ссчине-ній Пушкина г. Ефремовъ: онъ вставилъ пропущенную главу въ текстъ повѣсти, какъ, по его мнѣнію, хотѣлъ это сдѣлать самъ Пушкинъ. Должно ли было такъ поступить?

Вникнемъ обстоятельнѣе въ дѣло. Прежде всего оказывается, что глава эта пропущена поэтомъ изъ произведенія раньше его окончательной отдѣлки: она предстала передъ нами въ обработанномъ видѣ: объ этомъ несомнѣнно свидѣлствуютъ (не говоря уже о томъ, что Зуріопъ въ ней называется еще Гриневымъ) рѣшнія проговорѣчія въ ней самой и въ ея отношеніи къ цѣлой повѣсти. Когда Петръ Андреичъ, запертый въ амбарѣ съ своимъ семействомъ, проситъ Савельича послать

кого-нибудь къ Зурину, дать ему знать о происходящемъ въ деревнѣ, Савельичъ отвѣчаетъ:

«Да кого же послать, сударь? Всѣ мальчишки бунтуютъ, а лошади всѣ захвачены».

А дальше рассказывается, что слуги Гриневыхъ не бунтовали. Петръ Андреечъ пишетъ, что когда Зуринъ освободилъ его и его родителей,—

«Слуги явились въ переднюю. Они не участвовали въ бунтѣ и отъ чистаго сердца радовались нашему избавленію».

Другой примѣръ: Гривевъ ѣдетъ въ родную деревню съ двумя пропусками въ карманѣ; онъ самъ говоритъ объ этомъ:

«На всякій случай я имѣлъ въ карманѣ пропускъ, выданный мнѣ Пугачевымъ, и приказъ полковника Гривева».

А между тѣмъ, когда караульный на заставѣ въ деревнѣ заявляетъ ему о бунтѣ и угрожаетъ «лашпорту», Гривевъ не предъявляетъ пропуска самозванца, а прорывается черезъ заставу силою. Точно также онъ не предъявляетъ этого пропуска и земскому Андрюшкѣ; а такимъ путемъ онъ могъ бы, по всей вѣроятности, даже освободить своихъ родителей и Марью Ивановну. Загѣмъ, между пѣвшевыми, которыхъ Гривевъ, переѣзжая черезъ Волгу, видитъ на плывущемъ по рѣкѣ плоту, оказывается какой-то «его» Вавька:

«Это былъ Ванька (рассказываетъ онъ), бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставшій къ Пугачеву».

Ни о какомъ Вавькѣ раньше въ повѣсти не говорилось, и онъ является въ этой сценѣ совершенно непонятнымъ лицомъ. (Странно, замѣтимъ мимоходомъ, что г. Ефремовъ не замѣтилъ этого, внося главу въ текстъ по-

вѣсти).

Возможно, однако же, что всѣ эти факты, свидѣтельствуя о неотдѣланности главы, во-все не указываютъ на то, что поэтъ былъ недоволенъ ею: можетъ быть онъ не обработалъ ее именно потому, что не надѣялся на благополучный пропускъ черезъ цензуру? Но противъ такого разсужденія можно сдѣлать весьма существенныя возраженія. Вопервыхъ, странно полагать, что великій поэтъ, сочиняя свое произведеніе, думаетъ въ то же время о цензурѣ, подчиня, такимъ образомъ, свое творчество постороннимъ и случайнымъ внѣшнимъ условіямъ; такъ поступать можетъ только журналистъ, пишущій о «злѣбѣ дня», и имѣющій въ виду только временное значеніе своего сочиненія, но не поэтъ или ученый: вдохновеніе и научная мысль свободны по самому существу своему, ибо назначены не для минуты, — цензурныя условія времени пройдутъ, а они останутся, и потому поэтъ или ученый могутъ пропустить изъ своего произведенія тотъ или другой эпизодъ, но это будетъ сдѣлано ими только послѣ написанія сочиненія. Во вторыхъ, въ пропущенной главѣ «Капитанской дочки» есть такіе недостатки, которые заставляютъ насъ скорѣе думать, что поэтъ самъ былъ ею недоволенъ. Написанная великимъ художникомъ въ пору полнаго развитія его гевія, глава эта заключаетъ въ себѣ, конечно, много поэтическихъ достоинствъ. Назр., удивительно хороша сцена объясненія Гривева съ караульнымъ на заставѣ.

„Я увидалъ рогатку и караульнаго съ дубиною. Мужикъ подошелъ ко мнѣ и снялъ шляпу, спрашивая пашпорту. „Что это значить?“ спросилъ я его. „Зачѣмъ здѣсь рогатка? Кого ты караулишь?“ — „Да мы, багюшка, бунтуемъ“, отвѣчалъ онъ почесываясь“.

Далѣе прекрасно очерченъ здѣсь старикъ Гриневъ, и какъ отецъ, и какъ человѣкъ, и какъ хозяинъ-помѣщикъ. Правдой и жизнью вѣетъ, напимѣръ, отъ его словъ Марья Ивановна, когда та хотѣла одна выдти изъ амбара, пожертвовавъ собою для спасенія приютившаго ее семейства:

«Полно врать, Марья Ивановна, сказалъ мой отецъ (пишетъ Гриневъ). Кто тебя пуститъ одну къ разбойникамъ! Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужь вмѣстѣ».

И кроткій образъ Марьи Ивановны является здѣсь совершенно вѣрнымъ себѣ самому.— Прекрасно затѣмъ заключительное разсужденіе Гринева о русскомъ бунтѣ:

«Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужь люди жестокосердые, коимъ и своя шейка копѣйка, а чужая головушка полушка».

И мысль эта, и ея выраженіе совершенно гармонируютъ съ характеромъ Петра Андреича. Но вообще характеръ молодого Гринева въ этой главѣ не выдерживаетъ. Поэтъ придалъ своему герою не свойственную ему грубость, заставивши его дважды пустить въ дѣло кулаки.

«Караульный медлилъ (разсказываетъ Гриневъ). Я выскочилъ изъ телѣги, т р е с н у л ъ е г о (виновать) в ъ у х о и самъ отодвинулъ рсгатку».

Далѣе, когда земскій Андриушка заупрямился створять амбаръ, «отеческое наказаніе подѣйствовало и на него», повѣствуетъ Петръ Андреичъ. Не гармонируетъ съ нравственнымъ образомъ Гринева и приданное ему поэтомъ каксе-то разочарованіе: разсказывая объ испытанномъ имъ чувствѣ полного счастья, когда онъ и освобожденное Зуринымъ семейство его съ Марьей Ивановной «вечеромъ соединились

въ гостиной около самовара», Гриневъ совершенно неожиданно прибавляетъ:

«А много ли таковыхъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой».

Замѣтимъ кстати, что и весь этотъ эпизодъ о бесѣдѣ спасеннаго семейства за самоваромъ грѣшитъ противъ художественной правды; поэтъ говоритъ, что Гриневы «весело разговаривали о минувшей опасности»: кому пришлось испытать спасеніе отъ грозившей насильственной смерти, тотъ знаетъ, что въ первое время послѣ этого человѣку далеко не весело.— Далѣе, несвойственъ характеру Гринева и мелодраматизмъ, которымъ нѣсколько отзываются его слова, будто онъ «готовился (прости, Господи!) умертвить ее (Марью Ивановну) скорѣе, нежели вторично увидѣть въ рукахъ жестокаго недруга».

Ихъ можно считать выраженіемъ именно мелодраматизма, а не героизма, потому что вѣдь оставилъ же Гриневъ Марью Ивановну въ рукахъ Швабрина въ Бѣлогорской крѣпости. Люди, подобные Петру Андреичу, въ трагическихъ случаяхъ, въ родѣ настоящаго, полагаются обыкновенно, на божію волю, на судьбу, а не опираются на свою личную энергію и доблесть. (Кстати будетъ замѣтить, что мелодраматизмомъ отзывается даже одна фраза старика Гринева:

«Богъ помогъ дряхлой рукѣ моей (говоритъ онъ) наказать молодого злодѣя и отомстить ему за кровь моего сына»). Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ разсказа характеру Петра Андреича придана даже какая-то водевильность: повѣствуя о томъ, какъ родители благословили его съ Марьей Ивановной на бракъ, Гриневъ вдругъ прибавляетъ:

„Что чувствовалъ я, того не стану описывать. Кто бывалъ въ моемъ положеніи, тотъ

и безъ того меня пойметъ. Кто не бывалъ, о томъ я только могу пожалѣть и совѣтовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить отъ родителей благословеніе».

Вспоминая о такомъ важномъ моментѣ своей жизни, Гриневъ, по характеру своему и своимъ воззрѣніямъ, не могъ бы говорить легкомысленнымъ тономъ.

Какъ нѣсколько грубо очерченъ въ этой главѣ образъ Гринева, такъ грубость замѣтна въ одной чертѣ разсказа, касающейся Марьи Ивановны. Швабринъ, уходя отъ амбара послѣ совѣта Гриневу подумать и сдать, говоритъ:

Марья Ивановна, не извиняюсь передъ вами; вамъ, вѣроятно, не скучно въ потемкахъ съ вашимъ рыцаремъ».

Несомнѣнно, что въ дѣйствительности Швабринъ могъ бы сказать эти циническія слова; но также несомнѣнно, что Гриневъ въ своихъ запискахъ, всегда такъ тепло и почтительно говоря о Марьѣ Ивановнѣ, не могъ повторить ихъ: они составляютъ диссонансъ въ общемъ строѣ его разсказа.

Далѣе, внесеніе въ повѣсть этой пропущенной главы ея нарушаетъ общую художественную гармонію произведенія, лишая его, до нѣкоторой степени, простоты и естественности: съ нею является слишкомъ много случайностей. Такъ, Марья Ивановна второй разъ попадаетъ во власть Швабрина, и второй разъ избавляется отъ него опять-таки по счастливой случайности: Зуринъ съ своимъ отрядомъ подоспѣваетъ въ деревню Гриневыхъ какъ разъ въ-время, чтобы спасти всѣхъ.

Наконецъ, глава эта противорѣчитъ одной существенной чертѣ всего повѣствованія. Старикъ Гриневъ, какъ извѣстно, повѣрилъ, что

сынъ его измѣнникъ, когда послѣдній попалъ подъ судъ. Этого никакъ не могло бы случиться, если бы произошли событія, рассказанныя въ пропущенной главѣ: Андрей Петровичъ воочію видитъ въ ней вѣрность своего сына нравственному долгу, видитъ и его храбрость. А между тѣмъ вѣра его въ измѣну сына очень пужна для обрисовки его характера: она выявляетъ то существенное его свойство, что для него нравственная обязанность выше личной и семейственной привязанности; его ужасаетъ и повергаетъ въ отчаяніе не казнь, грозящая или грозившая Петру Андреичу, не осужденіе его, а позоръ измѣны долгу и присягѣ.

По всѣмъ этимъ причинамъ слѣдуетъ заключить, что появившаяся нынѣ въ свѣтъ новая глава „Капитанской дочки“ была пропущена изъ повѣсти самимъ Пушкинымъ и не по постороннимъ какимъ-либо соображеніямъ, а потому, что онъ былъ ею недоволенъ, ибо она мѣшаетъ художественной стройности и правдѣ всего произведенія.

Конечно, г. Бартевевъ оказалъ услугу русской литературѣ, напечатавъ эту главу великой повѣсти: она представляетъ глубокой интересъ для изученія творчества Пушкина и его поэтической личности; она представляетъ и интересъ эстетическій по нѣкоторымъ своимъ прекраснымъ частностямъ. Но внести ее въ текстъ „Капитанской дочки“ отнюдь не слѣдуетъ, и г. Ефремовъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы, дѣйствуя осторожно, напечаталъ ее въ собраніи сочиненій Пушкина какъ приложение къ повѣсти. На этотъ разъ, конечно, дѣло уже сдѣлано; но надо надѣяться, что слѣдующія изданія твореній великаго поэта избѣгутъ этой неловкой ошибки.

Печатавая настоящую замѣтку, пользуясь случаемъ выразить глубокое сожалѣніе мно-

гихъ, дорожащихъ дѣятельностью и личностью Пушкина, сожалѣніе, что господа владѣльцы матеріаловъ для біографіи великаго поэта зачастую скупятся подѣлиться своимъ добромъ съ обществомъ. Послѣ долгой неизвѣстности пропущенная глава изъ „Калитанской дочки“ увидѣла наконецъ свѣтъ, а сколько, быть можетъ, важныхъ документовъ храпится подъ спудомъ, подвергаясь опасности погибнуть отъ пожара, потери и другихъ случайностей! Какъ великій общественный дѣятель, Пушкинъ—достояніе общее, достояніе народа; имѣютъ ли частныя личности нравственное право скрывать данныя для изученія его жизни, его творчества? или имѣютъ ли они право, только сами пользуясь матеріалами, давать намъ лишь свои изъ нихъ заключенія и выводы, какъ будто эти выводы представляютъ собою абсолютную истину?

А. Незеленовъ.

30 дек. 1880 г.
